

Сokolov

На правах рукописи

СОКОЛОВ Юрий Евгеньевич

ЛАБИРИНТ И РИТУАЛ

**(ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ)**

24.00.01 - теория и история культуры

10 ДЕК 2009

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Москва – 2009

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Социокультурные процессы в современной России проходят весьма значимый этап становления и динамичных преобразований, характеристики которых обусловлены особенностями политического и социально-экономического развития, причем многие из них уже неоднократно встречались в истории культуры. Поэтому научные исследования в разнообразных ее областях, в том числе и на материале совершенно архаических явлений, безусловно, способствуют уточнению смысла и местоположения тех или иных важнейших элементов бытия культуры и социума XXI столетия. Одной из таких тем является исследование взаимодействия ритуала и лабиринта в пространстве архаической культурной традиции, некоторые сущностные параметры которой парадоксальным образом оказываются актуальными в контексте вышеупомянутых социокультурных процессов в наше время.

Ритуал и лабиринт – явления, сами по себе, весьма не простые и, кроме того, активно взаимодействующие с иными культурными феноменами. Это предполагает необходимость их рассмотрения в достаточно широком контексте других, связанных с ними элементов культуры и, кроме того, требует изучения их на нескольких уровнях от общефилософского и лингвистического (анализ смыслов изначально вкладываемых в эти понятия) до прагматически-утилитарного (т.е. рассмотрение лабиринта и ритуала в контексте связанных с ними технологических приемов, использование которых способствует моделированию человеческого сознания и мировосприятия, что, по ряду моментов, весьма созвучно поискам и опытам науки и культуры как ушедшего, так и нового века).

Философский и культурологический анализ понятий ритуала и лабиринта включен сегодня в тематику как западных, так и отечественных исследований. Стоит подчеркнуть, что именно в контексте современной философии культуры такой анализ может быть проведен. Эти категории продолжают употребляться как характеристики некой универсальной целостности архаической культуры. Осмысление технологий осуществления сложных ритуальных процедур с глубочайшим символическим наполнением может сегодня оказаться полезным и социально востребованным в процессе разработки структурных элементов и реального наполнения культурных событий со столь же глубоким символическим смыслом.

Без культурной памяти, анализирующей кажущиеся утраченными архаические понятия высоко организованной культуры, невозможно сохранение национальных традиций, религиозных и нравственных норм, формирование ценностных ориентаций современного общества, плодотворное развитие современной культуры. Только усвоение глубоких корней, воплощенных в материальных и нематериальных остатках прошлого (философия, нормы права, мораль, религия, обычаи), может лежать в основе национального самосознания и формирования национального единства и гуманистической культуры современного Российского общества.

По словам К. Ясперса, настоящее совершается на основе исторического прошлого, воздействие которого мы ощущаем на себе. Если перенести эти слова в плоскость философии культуры, становится ясной логика структуры настоящего исследования, неизбежно приводя нас к рассмотрению понятий лабиринта и ритуала в контексте мировой культуры и ее трактовки в культуре постмодерна, а также позволяя проанализировать некоторые возможные пути сглаживания противоречий, свойственных современным культурным процессам. Используемый в данной работе контекст классической и современной онтологии, гносеологии и аксиологии придает новизну и актуальность настоящей работе, поскольку, несмотря на объективную социокультурную необходимость, подобного исследования ранее проведено не было.

Степень научной разработанности темы. Проблемы архаического и современного развития культуры, рассмотрение понятий лабиринта и ритуала имеются в работах западных и современных классиков. Отечественные и зарубежные ученые (культурологи, философы, филологи) на протяжении многих десятилетий занимались исследованиями основных понятий архаической и современной «культуры», ее функциями и ролью в процессе развития (преемственности). К их числу можно отнести сотни имен, среди которых: А.И. Арнольдов, Э.А. Баллер, Г. Башляра, Н.А. Бердяев, В.П. Большакова, Ю.В. Бромлей, Ж.-П. Вернан, Ж. Делеза, Вяч. Вс. Иванов, А.Я. Гуревич, С.Н. Иконникова, Р. Кайуа, И.В. Кондаков, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, Э.С. Маркарян, В.А. Малинин, А.А. Пелипенко, И.В., Пятигорский А.М., Суханов, А.А. Тлюняева, В.Н. Топоров, Е.А. Торчинов, М.Б. Туровский, А.Я. Флиер, П.А. Флоренский, А.С. Фриш, М. Фуко, Т.В. Цивьян, Э. Шилз, М.М. Шибаева, И.Г. Яковенко, М.Б. Ямпольский, К. Ясперс и др.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что переходные времена и периоды исторических и культурных катаклизмов обостряют проблемы сохранения культуры и некоторых ее архаических традиций. Данные вопросы отражены в работах таких авторов как А.А. Аронов, И. Белоконь, М.М. Богуславский, И. Левин, А.П. Марченко, В.А. Ремезов, А.П. Сергеев, Л.А. Стешко, В.Д. Тепферов, Е.Н. Шапинская, и др.

В отечественной научной литературе нам не удалось найти труды, специально посвященные исследованию лабиринта и ритуала в интересующем нас аспекте. Поэтому мы ориентировались преимущественно на работы зарубежных авторов: М. Дегьенна, Г. Керна, К. Кереньи, Д. Крафта, Г. Кьярини, А.Б. Кука, П. Сантарканжели, Ф. Фронтизи-Дюокру, К. Шустера и др.

Вопросами опасности использования некоторых аспектов архаических явлений культуры с целью манипулирования современным социальным и национальным сознанием общества занимались также многие исследователи. Мы постоянно обращаемся в этом ряду к работам ученых, которые изучали различные моменты взаимодействия культуры и общества А. Андреева, Е. Баразговой, А. Грабельникова, М. Ковалевой, Б. Лозовского, А. Мухина, Н. Петровой, Г. Поличко, Г. Почепцова и др.

Кроме того, в настоящей работе рассматриваются некоторые психологические аспекты, важные для исследования ритуала и лабиринта. Данной проблеме посвящены многочисленные работы Р. Арнхейма, Л.Г. Бергер, Э. Берна, А.Я. Бородецкого, Е. Брунсвика, В. Тэрнера, И.А. Гельмана, Дж. Гибсона, С. Грофа, В.П. Зинченко, И.С. Кона, И.В. Крылова, А.Н. Лебедева, К. Левина, Р.И. Мокшанцева, С.А. Омельченко, В.А. Подороги, С.В. Покровской, Г.К. Серегина, Ф.Г. Панкратова, Е.Ю. Петровой, Д.Н. Узнадзе, Р. Чалдини, В.Г. Шакурина, и др.

В диссертации также использовалось значительное количество данных по разным аспектам телесности, непосредственно связанной с использованием ритуала и лабиринта в современной культуре. В том числе работы И.М. Быховской, С. Козна, Т.Варра, Д. Монсеррата, В.А. Подороги, Д.Г. Фуллда, К. Ясперса и др.

Объект исследования – ритуал и лабиринт в их функциях и интерпретациях.

Предмет исследования – социокультурные традиции и закономерности, религиозно-философские интерпретации существования ритуала и лабиринта в истории культуры (от архаики

до современности)

Гипотеза исследования

1 Ритуал и лабиринт - знаковые характеристики архаических культур и архаической ментальности

2. Ритуал и лабиринт как явления культуры оказывают огромное влияние на сознание человека, попадающего в сферу их воздействия, меняя все его психосоматические характеристики

3. Ритуал и лабиринт, по выражению А Ф. Лосева, являются характеристикой определенного состояния сознания человека, и, с этой точки зрения, остаются предметом исследования философии по сей день и особенно в переходные периоды, когда происходит размывание социальных, нравственных и даже научных ориентиров (например, философия постмодернизма)

4 Исследование категорий ритуала и лабиринта с позиций истории философии и социальной психологии может иметь серьезное научно-практическое значение для современной отечественной культуры с точки зрения использования их технологий и инструментария в сфере художественного творчества, массмедиа, образования и анализа пограничных состояний общественного сознания

Цель исследования. Анализ бытования и функционирования ритуала и лабиринта в истории культуры и их восприятие в истории религиозно-философской мысли с момента возникновения до современных проявлений Данная цель конкретизируется путем решения следующих задач

- проанализировать понятия «ритуал» и «лабиринт» в исторических источниках и работах ученых от времен Античности до наших дней;

- проанализировать ритуал и лабиринт в связи с восприятиями времени и пространства, тела и сознания, феноменом мифа и феноменом творчества, активизацией мифологического мышления в современной культуре и возможностями воздействия на ряд культурных феноменов и процессов, на индивидуальное и коллективное сознание,

- исследовать интерпретации ритуала и лабиринта в истории мировой философской мысли от Античности до постмодерна,

- рассмотреть использование ритуальных техник

применительно к массовой, элитарной и традиционной культурам на современном этапе

Методология и методы исследования обусловлены содержанием и целью работы. Основными методологиями данного исследования стали структурно-функциональный и структуралистский анализ, выявляющий социальную, религиозную и психосоматическую функции исследуемых явлений. В рамках названных методологий использовались методы системного анализа, компаративный, динамического анализа, структурный, семиотический

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- проанализированы понятия «ритуал» и «лабиринт» и уточнены их значения в архаической и современной культурно-философской терминологии;

- изучено и определено соотношение категорий мифа, архетипа, психосоматики с понятиями ритуала и лабиринта, установлены взаимосвязи и способы коммуникации между этими явлениями;

- определено место феноменов ритуала и лабиринта в современной социокультурной ситуации,

- рассмотрено понятие ритуала применительно к массовой, элитарной и традиционной культуре на современном этапе,

- исследованы понятия ритуала и лабиринта в системе координат философии постмодерна, выявлены тенденции, приводящие к деформации социокультурного пространства,

- определены и выявлены некоторые технологические особенности ритуала и лабиринта, использование которых может способствовать гармонизации развития определенных областей современной культуры

Теоретическая значимость исследования связана, в первую очередь, с его научной новизной и состоит в проведенном анализе понятий ритуала и лабиринта в системе координат не только архаического, но и современного социокультурного процесса. Результаты исследования имеют важное значение для философской и культурологической науки. Анализ выявленных в диссертации вариантов соотношения данных понятий предполагает принципиально новый подход к изучению проблем, характерных для культуры и

общества.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем исследовании проблем современной культуры. Выводы и положения диссертации применены при разработке программ социального и культурного развития, при чтении учебных курсов по культурологии, социологии, философии и др. Также мы видим определенную значимость в использовании полученных данных при реализации культурной практики различных творческих сообществ и коллективов

Положения, выносимые на защиту:

1 Повышенное внимание к архаической ритуальной традиции в современной культуре (помимо чисто академических интересов) определяется тем, что в эпохи потрясений и динамичных социокультурных преобразований общество нуждается в механизмах стабилизации индивидуального и массового сознания, средствах гармонизации культурного и природного начал в человеке и обществе. Ритуал и лабиринт были одними из главных средств для достижения подобных целей в «ментальном оснащении» (термин Жака Ле Гоффа) древних культур, что обуславливает актуальность их изучения в сфере практически любой гуманитарной науки и, в первую очередь, философии и культурологии.

2 Ритуал обращен ко всем находящимся в распоряжении человека средствам восприятия, познания, прочувствования мира. В известной степени он мобилизует их в связи с единой целью подчинения некоей целостной культурной системе. Перенос центра внимания в изучении архаического ритуала с его «объективного» мифологического содержания на субъективное восприятие этого содержания зрителями и участниками ритуального действия, даст возможность интерпретировать «необъяснимые», «избыточные», «архетипические» элементы ритуала как абсолютно функциональные и необходимые в реорганизации человеческой психики и соматики

3. Эта точка зрения дает возможность изучения технологий, благодаря которым обеспечиваются «возрастающие в ходе ритуала чувства благоговения и присутствия тайны», участники испытывают переживание «абсолютной вовлеченности». Данные техники представляют особые способы организации как внешнего, так и внутреннего мира. Современная наука вполне готова к исследованию архаического ритуала и лабиринта (как его пространственно-

временной характеристики) в аспекте присущих им технологий, обеспечивающих максимальное воздействие на человеческое сознание, радикально меняющее ощущение пространства, времени и собственного «я» Данное исследование – попытка решения этой задачи с позиций философии и теории культуры.

4. Исследование ритуала требует очевидного изменения эмпирических методов и целей традиционной науки и, в первую очередь, смену научного ракурса исследования. Следовательно, архаический ритуал может быть рассмотрен как некая культурная акция, которая формирует мировосприятие, мышление и поведение людей, предстает в качестве способа коммуникации внутри человеческого сообщества Процесс смены ритуальной культуры иной культурной парадигмой характеризуется смещением смыслов и, как следствие, формированием культурных инноваций, чуждых старой культурной установке, большинство позитивных элементов которой оказываются утраченными. В рамках данного процесса происходит эволюционно-исторический отбор, проявляющийся во взаимодействии традиций и инноваций в культуре Данная работа дает возможность вернуться к истокам и посмотреть на формирование ряда установок современной отечественной культуры с позиции содержания некоторых технологий архаического ритуала

Апробация работы:

1 По теме диссертационного исследования было опубликовано 6 статей, в том числе 1 в изданиях, рекомендованных ВАК РФ (список в конце автореферата)

2 С изложением основных результатов настоящего исследования автор выступил на семи научных конференциях, в числе наиболее значимых из них можно перечислить Бояджиевские чтения в РАТИ и конференция «По проблемам творческого образования» в Министерстве Культуры РФ

3 Научные результаты исследования внедрены в учебный процесс НОУ ВПО «Институт современного искусства» (г Москва) в учебные курсы «История культуры», «История религий», «Философия», «История театра», «История ИЗО» (Акт о внедрении прилагается)

4. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры культурологии и антропологии Московского государственного университета культуры и искусств 26 октября 2009

года (протокол № 4).

Структура работы: диссертация (общий объем 170 стр.) состоит из введения, 2 глав, заключения и библиографического списка (180 названий).

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В главе 1 «Ритуал: традиции и современность», в параграфе 1.1. «Ритуал как модификация хронотопа в контексте смены культурных парадигм» предметом рассмотрения является архаический ритуал и его пространственно-временные характеристики. Следует заметить, что нас прежде всего интересовали ритуальные аспекты динамического взаимодействия времени-пространства мира с внутренним хронотопом человеческой психики и соматики. Обращение к теме времени и пространства в контексте ритуала, вызвано не только и не столько академическим интересом к проблеме, сколько осознанием ее прагматической важности.

В течение тысячелетий на Западе и Востоке эти установки стимулировали возникновение оригинальных культурных форм, создание моделей взаимопроникновения культуры и природы и выявление сверхвозможностей человеческого сознания и тела Единственной культурой, радикально пересмотревшей как взгляды на время и пространство, так и принципы взаимоотношения с ними, стала культура Новоевропейская Концепция, отводящая человеку роль безусловного центра мироздания, а самому мирозданию – роль простого ресурса человеческой деятельности, была сформулирована как умозрительное построение некоторыми мыслителями Ренессанса.

Академическая наука, накопившая к началу XX века множество описаний ритуалов и интерпретаций ритуальных текстов, оказалась фатально неготовой к постановке вопроса в такой плоскости. Вполне естественно, что проблема механизма психосоматических метаморфоз в ритуале просто не могла стать для науки XIX века предметом рассмотрения, поскольку сами эти метаморфозы объявлялись эфемерными и, за редкими исключениями, сводились к последствиям опьянения и массового гипноза. Творцы нового искусства оказались перед сотнями монографий, в которых было все что угодно, кроме ответов на интересовавшие их вопросы.

Сейчас положение качественно иное объединенными усилиями этнографов, антропологов, психологов, нейрофизиологов,

историков религий, филологов, философов, физиков и т.д. к началу тысячелетия была создана основа для фундаментальных исследований ритуала, позволившая разрешить некоторые из загадок ритуальных техник, и, более того, озадачиться проблемой использования их элементов в различных областях человеческого бытия. В перечисленном ряду далеко не последнюю роль сыграл ряд теоретических разработок и практических экспериментов с пространством и телом в театре и кино, достаточно упомянуть монтажные опыты Кулешова, труды Эйзенштейна.

Интересно, что в наибольшей степени к их комплексному использованию приблизились в постановках массовых празднеств в так называемых «тоталитарных культурах» в 30-х гг. XX века. Однако, преследование «заказчиками» подобных церемоний задач весьма локальных, с точки зрения ритуальных техник, а так же недостаточность познаний большинства их «режиссеров» не позволили реализовать их возможности в полной мере. Особенно верно это в отношении России, где тема ритуальных техник остается *terra incognita* для профессионального искусствоведения, и опыт их изучения почти не отражается ни на системе образования в сфере творческих специальностей, ни на постановках ведущих режиссеров.

Данная область до недавнего времени считалась вообще недостойной серьезного научного исследования. Хотя со времен «Этнографической школы» был накоплен материал, описывающий внешние проявления различных аспектов этих техник во всех ритуальных и театральных традициях мира. Возникла ситуация, когда интерес к мифу и ритуалу в научном сообществе, порождавший десятилетие за десятилетием сотни монографий, оставался совершенно немотивированным, поскольку здесь игнорировалась технология, определяющая успех ритуального воспроизведения мифа, то есть должный уровень воздействия на тех, кто принимает в нем непосредственное участие.

Рассмотрев ритуал как модификацию хронотопа и подчеркнув некоторые прикладные аспекты данного материала, автор также исследовал ритуал смены культурных парадигм. Традиционно парадигма представляет собой классическую научную разработку, которая воспринимается научным сообществом, работающим по данной дисциплине, в качестве образца и становится основой научной традиции. Иными словами, каждый ученый работает в рамках определенной парадигмы, которую он углубляет, уточняет, дополняет и распространяет на новые сферы. Кроме того, культурная парадигма

существует как пример совокупности решения человеческих проблем, как реальный, а не только теоретический феномен социокультурной действительности. Перечислим признаки культурной парадигмы, как социокультурного феномена: она объективна; она подлинна; она содержит в себе онтологичность, она способна являть собой образец и модель самоорганизации

В параграфе также исследуется вопрос. «В каком ряду культурной парадигмы стоит рассматривать ритуал? Если это исследование архаического прошлого, то стоит ли уделять пристальное внимание ритуальным психотехникам? Если это путь вперед, то в контексте какого научного знания? Истоком этой проблемы является традиционное разногласие между наукой и религией (как одним из способов мистического знания) Кстати, последний из указанных выше вопросов, в культурологии спорен Так, М Вебер свидетельствовал, что религиозное движение - один из факторов, влияющих на изменения в социокультурном пространстве, и подчеркивал неоднозначность этого влияния «Тем самым (поскольку это возможно) выявится также тип и общая направленность того влияния, которое религиозное движение оказывало в силу подобного избирательного сродства на развитие материальной культуры Лишь после того, как это будет с достаточной достоверностью установлено, можно попытаться выяснить, в какой мере содержание современной культуры в его историческом развитии следует сводить к религиозным мотивам и в какой мере к мотивам другого рода».

В параграфе 1.2. «Арханческий ритуал как коммуникация» исследуется прежде всего установление связей между различными пластами бытия, человеком и космосом Успех коммуникации зависит от полноты реализации двух условий Первое – преодоление преград между человеческим и «божественным» планами бытия, его механизм условно можно именовать «эффектом камертона», мифопоэтическое сознание (как современная квантовая физика) рассматривает пространство космоса как многослойное и неоднородное Каждой области этого пространства соответствуют свое натяжение, подобно особому натяжению каждой струны на музыкальном инструменте

Точное воспроизводство ритмической структуры, присущей тому или иному измерению в ходе ритуала (в музыке, поэтическом тексте, танце, организации ритуального пространства и т п), неизбежно влечет за собой его отклик, подобно тому, как отзывается хорошо настроенная струна на звук камертона. Полнота отзыва

зависит от характера ритуала и может варьироваться от подачи некоего знака в рамках той или иной реальности, до полного преобразования данного пространства в сакральное, подобно проявлению фотографии на белом первоначально листе бумаги

Однако для того, чтобы организовать воспроизведение подобного нечеловеческого ритма, необходимо изменить структуру сознания и всю систему ощущений его участников, что собственно и является вторым из вышеупомянутых условий, необходимых для достижения желаемых результатов. Это пространство исследователи ритуала обозначали как «иное», «обратное» (имея в виду обратность его параметров человеческому миру), «сакральное»

Известно, что мифологическое мышление исходило из того, что взаимодействие человека с иными планами бытия - дело отнюдь не безопасное и требующее серьезной предварительной подготовки Гибель Семелы, заставившей Зевса появиться пред ней в облике, присущем миру языческих богов, но оказавшейся фатально неподготовленной к этому, конец Пенфея, слишком человеческое восприятие которого не позволило ему разглядеть Диониса в образе лидийского «шарлатана», достаточно ярко иллюстрируют эту позицию Преодоление грани, разделяющей миры – не механическое движение тела с небес на землю или из-под земли, но, прежде всего, сущностная его метаморфоза, обеспечивающая возможность существования в данном плане бытия

Архаические боги облакаются плотью перед явлением в земное измерение, поскольку явление их в истинном виде повлечет катастрофу и гибель их последователей Люди, перед проникновением в иное измерение, меняют параметры своего телесного бытия, дабы иметь возможность там выжить Слепота, немота, однорукость, одноногость, зооморфность прорицателей, трактовавшиеся позднее как наказание за дерзость, первоначально – лишь фиксация неизбежных изменений соматики, без которых божественное видение невозможно. Не менее показателен и популярный способ проникновения в иные измерения в снах, область которых характеризуется не только вывернутой логикой, но и принципиально иными ощущениями тела, времени и пространства

Достижение состояния коммуникации с сакральным началом в ритуале обеспечивается подавлением человеческого начала через массируемую атаку на органы чувств с целью полной их дезориентации, облегчающей перестройку всей системы восприятия на основе иных принципов, часто представляющих собой полную

противоположность тому, что признается нормой. Именно на этом настаивал на исходе XIX века А Рембо применительно к поэзии. В ходе этой перестройки изменяется привычная иерархия чувств: основные средства ориентации (например, зрение) отодвигаются на второй план или устраняются, второстепенные (осознание, обоняние) становятся доминирующими

В осуществлении данных изменений ритуал обнаруживает крайний прагматизм, выражающийся в абсолютной функциональности всех его элементов при полном отсутствии случайного, лишнего, чужеродного, приводящего к разрушению ритуального воздействия. Последнее может быть исследовано в контексте коммуникации современной культуры с архаическими культурами. На наш взгляд, ритуал в данной связи поможет более глубоко и полно ответить на ряд непосредственно культурологических вопросов.

Точка зрения отношения к ритуалу как к некоему пережитку культуры усложняет исследование его коммуникативного аспекта. Однако необходимо остановиться на причинах такого отношения к ритуалу, дабы преодолев их, можно было бы претендовать на более «чистое» в культурологическом плане исследование. Одной из главных причин однозначно негативного отношения к ритуалу является деление культур на «развитые» и «отсталые».

Ритуал как культурную коммуникацию в данном контексте следует рассматривать как единое целое. Основным элементом культуры выступает смысл, объединяющий и структурирующий понятия, существующие в современное ритуалу время. Известно, что культура - определенная система смыслов, с помощью которых определяется поведение и мышление людей. Ритуал имеет огромное значение как утраченный элемент архаической культуры, позволяющий анализировать многое из происходящего в истории современной культуры. Культура ритуала определяет мышление, мировосприятие и поведение людей его эпохи, являясь культурным кодом для материального мира и языка, а также «текстом» определенной эпохи, в которой социокультурные единицы объединены общим смыслом, общим культурным временем, возможностью решать определенные задачи в жизни людей.

Все это также позволяет по-новому подойти к исследованию социокультурного аспекта ритуала. В этом случае следует опереться на анализ ритуала как феномена культуры, который был проведен выше. Тогда получается, что смену культур можно рассмотреть на

самом небольшом масштабе времени Например, за период жизни одного – двух поколений Дальнейшее, более глубокое исследование и анализ данного понятия лежит в определении термина «культура ритуала». Отметим, что «культура» в переводе с латинского означает воспитание, возделывание, образование, развитие, почитание Б Малиновский определял культуру как «единое целое, состоящее из инструментов производства и предметов потребления, учредительных установлений для разных общественных объединений, человеческой мысли и ремесел, верований и обычаев»

Вопрос о значимости исследования ритуала как коммуникации непосредственно для русской культуры стоит рассмотреть особо На наш взгляд, в первую очередь, это всемирно известная тоска русского человека по чуду, с позиций которого он привык воспринимать окружающий мир, во-вторых, это практическое использование некоторых ритуальных техник в художественном творчестве, и, наконец, в-третьих, непосредственно как исторический культурный аспект существования исконно русской культуры

Размышления о ритуале как творческом коммуникативном акте также стоит рассматривать в контексте данного параграфа Именно в этом смысле можно говорить об особой актуальности исследования ритуала для современной культуры и искусства Одним из средств восстановления способности переживать катарсис, свойственный практически всем античным постановкам, становится стремление (не всегда адекватно реализуемое) обратить свой внутренний взор в те формы культуры, которые позволяли глубоко и сильно переживать как произведение искусства, так и саму реальность, в том числе к ритуальным постановкам и переживанию состояния лабиринта

В параграфе 1.3. **«Временные и пространственные характеристики ритуальной психотехники»** проанализирован материал, который лежит в основе любой ритуальной системы особая организация внешнего пространства, воздействующая на психосматику и радикально меняющая самоощущение, «телесные» (в определении М Мосса) «техники», перестраивающие привычную систему жизнедеятельности человеческого организма, следствием чего становятся существенные коррективы в восприятии окружающего мира

Поскольку любое изменение окружающей среды приводит к изменениям во внутреннем пространстве человека, то наиболее эффективным началом преобразования человеческого в

«сверхчеловеческое» является разрушение в ритуале привычного образа окружающего пространства и соединение всех его элементов в другой логике. Чаще всего такая практика дезориентации предполагает соединение особых лабиринтных структур естественного пространства (система пещер, священная роща и т.д.) с рукотворными формами

Не меньшее воздействие на сознание обеспечивают возможности, которыми располагает само человеческое тело. По замечанию К. Ясперса, «осознание существования нашего тела – в норме представляющее собой незаметный, нейтральный фон для сознания и не оказывающее никакого влияния на его деятельность – в целом подвержено разнообразным необычным изменениям половое возбуждение, страх или боль настолько глубоко затрагивают телесную природу человека, что способны полностью поглотить личность»

Данному «поглощению личности» в ритуальном контексте и способствуют «телесные техники», представляющие широкую палитру способов перекодирования человеческого в демоническое, в пространстве от ритуальной кинесики и систем дыхания, до раскрашивания тел и приема алкоголя и галлюциногенов. Ими затрагиваются все проявления телесности: зрение, слух, вкус, обоняние, поверхностные ощущения (температуры, влажности, тактильные и т.п.), ощущения, относящиеся к движению и положению тела в пространстве, ощущения, указывающие на состояние внутренних органов и т.д. Этот комплекс призван вывести сознание и тело из обычного ритма жизнедеятельности и организовать их функционирование в иной системе, т.е. выполняет ту же самую задачу, что и группа внешних (пространственных) воздействий.

Важно также акустическое восприятие, акустическая сфера ритуала. Кажущаяся эфемерность звука не может скрыть от нас его более чем реального воздействия не только на психику, но и на соматику, и, более того, на пространство внешнего (по отношению к нашему телу) мира. Согласно научным концепциям, появившимся в последние десятилетия XX века, строение звездных и планетарных систем вселенной стало результатом распространения волны первовзрыва.

Отдельной темой является «прикосновение» к телу человека. Тексты древних культур, которыми мы располагаем, фиксируют то, что присутствие тех или иных духов человек ощущает, прежде всего, телом (как дуновение их дыхания, эманации энергии, исходящие от

них, или очевидный контакт, подобный описываемому Гомером прикосновению Афины к волосам Ахиллеса). То, что объектом контакта являются именно волосы – самая атектоническая, энергетическая и «развоплощенная» часть человеческого тела, разумеется, не случайно. Именно волосы реагируют на присутствие божественного начала, в первую очередь встают дыбом, начинают шевелиться и т.д. Контакт этот обычно потрясает все основы человеческой природы, психику и биологию, вызывая в большей или меньшей степени их изменение.

Интересно, что архаический ритуал располагал разнообразными возможностями моделирования такого «контакта», от использования естественных особенностей пещерных комплексов, когда среди полной неподвижности воздуха вдруг появляется сильный воздушный поток, до «оживления» изображений богов, с которыми вступают в контакт, и прочих моментов, порождающих аффекты разного рода. К данному фактору стоит отнести из сферы наркотических и возбуждающих веществ различные препараты, наносимые на кожу.

Наконец, еще одним аспектом осязания, используемым в ритуале, являются тактильные ощущения его участников по отношению друг к другу. В данном случае имеется в виду не эротический контакт, но эффект толпы, где рождается ощущение слияния верующих в единое тело с общей энергетикой, сознанием и органами восприятия (эффект, нередко используемый в праздниках тоталитарных культур в XX веке, хотя и зачастую неизмеримо примитивнее). Все вышеперечисленное, безусловно, требует применения в современной культуре глубоких, подлинно художественных приемов, которые позволяют человеку испытывать сильные чувства, эмоциональные переживания, вне контекста социального заказа или иной социокультурной ангажированности.

В главе 2 «Лабиринт в контексте мировой культуры», в параграфе 2.1. «Лабиринт как социокультурное явление. Типы и функции лабиринта» лабиринт представлен как вполне реальный способ для «распутывания» некоторых современных социокультурных явлений, проанализированы многовековые, претерпевшие изменения понятия «лабиринта». Рассматриваются также типы лабиринта, которые выделяются, исходя из присутствия или отсутствия в них жесткой организации, что в свою очередь связано с возможностью определения в том или ином лабиринте композиционного центра.

Хаотическому типу противостоит лабиринт упорядоченный, централизованный, который представляет собой не множество, но один путь, коль бы сложным и запутанным он не был. Подобные лабиринты можно было бы подразделить на центроостремительные и центробежные, т.е. сворачивающие пространство в центр, или развертывающие его из центральной точки. Однако, по большей части эти структуры воплощают в себе оба варианта движения, и все зависит лишь от того, в центре или на периферии начинается движение тот, кто проходит сквозь лабиринт.

Феномен кручения и его воздействие на психосоматику человека обладает огромной силой. В первом приближении к спирали заметим, что в изобилии встречающиеся на минойских печатях фигуры минотавров, с силой закрученные вокруг центра, представляют собой идею лабиринта проникшую в тело, которое в этом лабиринте сокрыли. Самого рисунка лабиринта на печатях нет, он истаял, воплотив свои структуры в быкоголовое существо и превратив самого Минотавра в лабиринт. Кроме того, в реальных строениях «простая» спираль могла быть прорезана многочисленными ответвлениями, переходами и тупиковыми ходами, и форма ее, таким образом, превращается в нечто совсем непростое.

Лабиринтом можно назвать всю неолитическую Европу, которая в средние века превратилась в гигантские ритуальные площадки. Причем в Европе и на Востоке, в эти священные пути неизменно вписаны лабиринты, занимающие особое положение в их структуре. Этого нельзя сказать об эпохах Ренессанса и Барокко, которые потеряли ключ к лабиринту, приучив человека забыть мифологические основания бытия и смотреть на окружающий его мир как на нечто принципиально отличное и отделенное от него, заплатив за это потерей связи с миром.

В эти эпохи лабиринт превращается в антикварную безделушку, мифологическую реликвию (за исключением творчества отдельных мастеров, в том числе, Сандро Боттичелли). Мы подразумеваем здесь даже не очевидную лабиринтность «Города семи валов» или иллюстрацию к «Божественной комедии», но скрытую, которая прячется в «Мистическом Рождестве».

В аспекте технологичности, однако, возвращение к лабиринту начинается лишь XX век, где возврат к архаическим, мифологическим и поэтическим принципам мышления не дань ностальгии, но насущная необходимость, единственный шанс, оставаясь намертво соединенным с машиной, не быть уничтоженным ею. На наш взгляд, есть глубокая

закономерность в том, что само слово «лабиринт», к чему бы оно не относилось, при произнесении, неизменно будет подразумевать и Лабиринт Крита. Ведь максимальная «неконкретность» свидетельств о нем, с силой передающих лишь состояние помещенного внутрь этой конструкции тела, является по существу квинтэссенцией лабиринтности и указывает, что древние воспринимали это строение как нечто, настолько соответствующее своему предназначению, как функциональность, а именно: способность запутывать, закручивать, заплетать, по существу, скрывает от нас конкретику индивидуального образа.

Подчеркивая некую общность самых различных лабиринтов, существовавших в разные культурные периоды, отметим их общую схожесть – мифологичность. Говоря о функциях мифа применительно к лабиринту, можно выделить следующие: духовная функция, восстанавливающая или поддерживающая систему ценностных координат, коммуникативная функция, благодаря которой лабиринт способен сохранять истинность информации при наличии в ней несуществующих персонажей, нарушения временной и логической последовательности, функция сохранения культурных стереотипов и образов, функция знакового и символического моделирования природного и социального мира, психологическая функция.

В параграфе 2.2. «**Лабиринт как архетип. История, традиции и современность**» отмечены общие черты между лабиринтом и архетипом, что позволяет соотнести эти понятия и рассмотреть их взаимосвязь.

Согласно Юнгу, архетипы – суть врожденные психические структуры, которые порождают общезначимую символику снов, мифов, сказаний и индивидуальной фантазии. В ранних работах, в том числе «Об архетипах коллективного бессознательного», Юнг писал о том, что эти состояния сознания передаются по наследству и воспроизводят следующие основные, глубинные мифологические символы: Тень, Анима, Анимус; Мать, Ребенок, Старик.

Утверждая, что архетипы – продукт некоего коллективного бессознательного, Юнг признавал их вариабельность в индивидуальном сознании в виде персонифицированных образов. Степень и вид персонификации всегда зависимы от следующих факторов эпохи, культуры, к которой принадлежит индивид, его семьи и отношений в ней, индивидуальных психологических и психических особенностей каждого человека, в том числе, его личных переживаний. С помощью архетипических образов можно не только

анализировать психические особенности индивида, но и влиять на них

В исследовании лабиринта ведущим может стать архетипический подход Юнга. На наш взгляд, основная проблема современной культуры как раз и заключается в ее ключевой установке во-первых, на прибыль, во-вторых, на создание образов и образцов исключительно логическим, рациональным путем. Утрата архетипов в культуре с одновременным вторжением в подсознание манипуляций грозит нарушением психического равновесия Психика человека – саморегулирующаяся система, равновесие сознания и бессознательного происходит гармонично, но только в том случае, если нет вторжения извне. Если же сознание или бессознательное постоянно подвергается «нашествию» тех или иных психических технологий, то восстановить утраченное психическое равновесие поможет опыт архетипов, в том числе, обращение к лабиринту как к категории культуры и реальности.

Безусловно, в каком соотношении находятся между собой генетические образцы поведения, восприятия, внимания и воображения, а также «коды» культурной памяти – вопрос дальнейших исследований для философов, психологов, лингвистов и этнографов. Главное – не навредить человечеству и культуре экспериментами «вторжения» на «святая святых» – человеческое бессознательное.

Создатели современной культуры, использующие НЛП, обращаются также к архетипам сознания, универсальным мифологическим образам, которые похожи друг на друга и «перекликаются» у разных представителей различных культур. Юнг писал о том, что они находятся за порогом нашего сознания и становятся побудительной силой поведения, как отдельного человека, так и нации в целом. Ученый считал, что бессознательные формы всегда получали выражение в своеобразных защитных и целительных образах, с помощью чего бессознательное «выносилось» в лежащее за пределами души космическое пространство. Впоследствии, предпринятый Реформацией штурм символических, архетипических образов практически полностью разрушил защитную стену священных символов.

Перефразируя Юнга и перенося его открытия на язык современной культуры, можно сказать, что главным сегодня стал принцип разрушения священных образов, либо подмена их ложными понятиями и потребностями, в том числе, навязанных социальных

представлений «образной социальной престижности»; ложной ориентации на коллективность, формирование искусственных, ложных потребностей, иллюзии слияния с социумом своей индивидуальности, прямым результатом которой неизбежно станет разрушение психики потребителей

Современная культура сродни магическому воздействию, «заколдованный» потребитель всецело оказывается в руках все тех же манипуляторов, воздействующих на сознание и подсознание человека, однако, данное воздействие куда опаснее воздействия лабиринта на психику. Основой любого магического воздействия является вера человека в чудо. А.Ф Лосев, исследуя русское коллективное бессознательное, писал о том, что в России мифы всегда были реальнее действительности, а русская душа по природе своей склонна к созданию иллюзорной, мифологической реальности.

Во многих работах, посвященных данной тематике, отмечается, что причиной появления лабиринта в христианстве Западной Европы было скрещение двух древних языческих традиций. Однако, почему эта идея лабиринта была воспринята христианством и, главное, что в ней было принято? Ответить на этот вопрос для нас важнее, чем исследовать отличия «критского» типа лабиринта от варианта Отфрида Вейсенбургского, а лабиринта Соломона от лабиринта Джерико в средневековых манускриптах.

Отметим, что трактовка соборных лабиринтов обычно протекает в следующем диапазоне вариантов. космограмма мира, образ мира в грехе; путь освобождения (Тезей поражает Минотавра, а Христос – Сатану), рисунок Пасхальных танцев; «паломничество в Иерусалим» (прохождение лабиринта или проведение по нему пальцем - если он был небольшой - символически заменяло паломничество), знак тайных мистических гильдий строителей соборов, считавших своим патроном Дедала.

Почти все эти истолкования имеют право на существование, но вместе с тем, все они грешат абсолютной односторонностью, поскольку рассматривают лабиринт вне целого, частью которого он теперь является – собора. Не следует переоценивать прямого влияния язычества на христианскую церковь, несмотря на то, что Нотр-Дам де Шартр, воздвигнут на месте кельтского святилища, только очень ограниченные неоязычники интерпретируют лабиринт в нем как победу религии друидов. Но вместе с тем, строители соборов, так же как и инициаторы этого строительства были чрезвычайно чутки к

возможностям воздействия на сознание тех или иных пространственных структур

С этой точки зрения лабиринт – одна из самых универсальных конструкций собора, чье действие может меняться в зависимости от обстоятельств, и в котором только одна постоянная величина – эффективность этого воздействия. Это значение лабиринта мы видим не только в соборах, «хроника графов Гинских» упоминает о лабиринтных жилищах аристократии (одно из которых было воздвигнуто на вершине донжона в десятках метров над землей) Нам известно и о лабиринтной организации средневековых садов знати. Поскольку согласно эстетике куртуазии среди условий достижения максимально высокого любовного чувства, немалую роль играет особая организация пространства. Все это результаты одного и того же подхода – воспитания пространством.

Все это создает для нашей современности особое значение в контексте исследования лабиринта как некоего архетипа, с помощью которого возможно восстановление утраченных мифологических взаимосвязей с окружающим миром, отчасти, имеющего психотерапевтический эффект для человека современной культуры.

В параграфе 2.3. «Лабиринт как современная реальность: философствование постмодернизма» рассмотрено непосредственно философское значение лабиринта, его реализация в одном из направлений современной философии – постмодернизме. Интересно, что и литература, и живопись, и скульптура этого направления пестрит многочисленными лабиринтами, со свойственными ему архетипами и мифологическим контекстом. И архетипы, и лабиринт, и мифология становятся сегодня фольклором производственной индустрии, который организует коллективное бессознательное. Не стоит понимать под мифологией возвращение к первобытному обществу, хотя эта точка зрения сегодня типична для западных исследователей культуры. Источником такого мнения стали исследования К.Леви-Строса, который соотнес первобытное мышление с мифологической картиной мира, а магическое мировосприятие – с «пещерной» психологией. Между мифом, архетипом и философией постмодернизма много общего. они осознаются человеком как некая творчески созданная реальность; их пространство тяготеет к сакральности, оно условно и недоступно; они оказывают, чаще всего, сильное воздействие на подсознание человека, от них их потенциальный потребитель и «философствующий путешественник» ждет художественной формы их реализации, они

становятся сегодня своего рода способом организации восприятия реальности.

Известно, что минувший век был наполнен ощущением кризиса и конечности. ожидание конца света (ядерного Апокалипсиса), конца истории, конца культуры переживается западными философами «с помощью» различной научной терминологии. Возможно, постмодерн явил собой именно подобный опыт переживания – предощущения совпадения конца и начала, вопрос только в том, что именно должно завершиться, а что – начаться. По этому поводу мнения культурологов, философов, историков расходятся. Но нет сомнения в том, что здесь имеет место завершение одного цикла и начало нового.

Хотя рождение постмодерна хронологически совпало с началом перехода к постиндустриальной эпохе, было бы упрощением трактовать постмодерн просто как культуру постиндустриального общества. Как интеллектуальное течение, постмодерн более автономен, хотя, несомненно, отражает характерную для постиндустриализма индивидуализацию культуры и постепенную «деконструкцию» многих черт культуры модернизма. Именно в этом смысле можно определить постмодернизм как своеобразную форму мироощущения переходной эпохи.

Следует согласиться с тем, что в переходные периоды распада целостности дает о себе знать потребность в реставрации старых, архаичных исторических форм и отношений. В свое время их окончательная завершенность была очевидной, но происходит очередной «перелом» – и парад архаичных культурно-исторических форм, в том числе, реставрация мифологии, дает о себе знать. Происходит это по следующей причине: оцененные как «прошлые» культурные формы, стравивая с себя архаичную пыль, приходят в неожиданное соприкосновение, в результате которого рождается иная реальность, создающая альтернативу той реальности, которая почти разрушена у всех на глазах.

Исследователи постмодернизма, ученые П. Вейн и Т. Керимов отмечают, что система ценностей рассеивается, истина становится размытой, а попытки ее найти похожи на блуждание в лабиринте. Идея сокращенной истины постмодернизма, которая совмещает в себе истинное и ложное, переплетает правду и вымысел, находит свое непосредственное отражение в современной культуре.

Отказываясь от рационализма как мировосприятия и рациональной художественной практики, постмодернизм (в трудах Ж.

Делеза, Г. Башляра, Ж. Бодрийара, М Фуко, Ж. Батая и др) предлагает иной способ освоения мира и создания иной поэтической реальности Ассоциативность, образность, метафоричность и мифологичность, свойственные поэтическому мышлению, распространяются не только на область художественного творчества, но и философии, культуры, научного познания По мнению философов постмодернистов понятийный аппарат логики неможен по сравнению с кладезями интуиции, мгновенные откровения которой способны воссоздать новый поэтический мир

Исследования повествовательных мифологических и архетипических техник, которые были нацелены на создание «фрагментированного дискурса», подытожили Д Лодж, Д Фоккема, Д Хейман Ими были выявлены так называемые «повествовательные стратегии» постмодернистского письма, которые отражали условный характер любого творчества. Согласно мнению Д Хеймана, именно эти техники осуществили своего рода ревизию читательских стереотипов, базирующуюся на реалистических традициях. Так, современная философская мысль рефлексировать по поводу рассматриваемых нами понятий «Ритуал» и «лабиринт», как формы человеческого сознания и определенные технологии его моделирования вновь оказываются востребованы

В **Заключении** диссертации подводятся выводы проведенного исследования.

Авторские публикации по теме диссертации:

1. Соколов Ю Е. Ритуал как модификация хронотопа в контексте смены культурных парадигм. // Этносоциум и межнациональная культура Научный и общественно-политический журнал № 5 (21) - М 2009, № 5 (21), с 30 -38

2 Соколов Ю Е Пространство тела и пространство мира в архаическом ритуале и театре // Театр во времени и пространстве Сб научных трудов памяти Г.Н Бояджиева -М., «Гитис», 2002, с 7 – 36.

3 Соколов Ю Е. Лабиринт Метаморфоза пространства и пространство метаморфозы // «Мир культуры» Научно-образовательный методический журнал - М. Издательство «Института современного искусства» № 1, 2003, с. 18 – 49

4 Соколов Ю. Е Чары и плоть // «Мир культуры»
Альманах - М Издательство «Института современного искусства»,
2009, с. 12 – 38

5 Соколов Ю. Е. Образ лабиринта как основа мифологического
сознания. // Научные труды Московского гуманитарного
университета Вып. 112 - М. «Социум» 2009, с 83 – 89.

6 Соколов Ю. Е Лабиринт как архетип // Электронный журнал
«Знание, понимание, умение» - М. 2009 № 4 Культурология. / URL:
<http://zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Sokolov/>

Подписано в печать 15.11.2009 г.
Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз.
Заказ № 90. Ротапринт ИСИ.